

Fatima's song

When I saw the city lights approaching, just some minutes before landing at Baku airport, I got scared. I realized how little I knew about the country where I was going to spend the following month, doing ethnomusicological research. It was no more than a gut feeling (or should I say no less than a gut feeling?) that had rushed me into the choice of area and subject. One way or another, I had long flirted the idea. The shadow of Caucasus, with his thousand and one cultures, the meeting –and clash– of three big empires, the mourning for Kerbela in a Turcic language chanted in a Farsi accent, the Soviet bear sinking in an American barrel of petrol, all that had made me contemplate Azerbaijan as a land of wonder. And as an excellent place for fieldwork into the social roles of music.

The omens were good. I was to enjoy the hospitality, and the protection, of a great musician and his family. Staying with Habil Aliev, the *kəmbəncə* magician, was first an honour, then a chance to meet some of the finest musicians of the country. Still, my primary aim was not to study the Azeri mugam. I do admire this music and its practitioners, and it always feels great to drink water from the source, but that wasn't what I had come for. I was more interested in these sweet, "domestic" musicians, who would never describe themselves –nor would they ever be described– as artists. Women lulling their little, women humming their time while fabricating the beautiful Azeri carpets, women singing their life away. And specially women singing their dead away.

The songs which help the dead to pass to the other side have been forgotten in France. A great loss, for singing the soul of the dead is one of these arts that give life more substance. "How is it possible not to sing the dead?", mollah Zeyneb asked. "Don't you know it is essential for the soul?" She is right. The measurable and the verbally explainable, the one-plus-two approach to life which some Western cultures uphold so dearly, all look so pale compared to the *teziye* ceremonies. Not that there is something irrational in the *teziye*. To the contrary, I had the constant feeling that such instances of tightly-bonded togetherness are the only means we possess to plead against the irrational fact that is death. Together, we cry, and we sing, and we refuse nonexistence. Together, we chant into establishment a community with ourself Mother Fatima, ourself Hussein, ourself our neighbour –reflections, all, of ourselves being alive. And more than that.

Take for example music itself. It may seem blasphemous that, at a moment of suffering, a self-proclaimed researcher gives herself the right to record and analyse the singing. But it is beautiful music. It must be making the Big Transition much easier. What a comfort to a soul (of the dead? of the living?) to be told that, yes, the world will go on, but with the dead's memory deep in the heart! "The dead live inside us forever", told me mollah Leyla. We say the same thing in France, but I feel it somehow means less. Because, in each one of the *teziye* where I assisted, I am sure I saw Mother Fatima at the back of the room, singing her dead child –the dead of the family in mourn. Memory is present almost physically.

Memory injured, memory sung... So many centuries to cry for on the occasion of death in one's own environment of relatives. Pain for loss seems to be one of the constitutive elements of collective identity, and of life itself; a collective premise which is felt to date from the death of Ali's son at Kerbela. Yet the expression of pain is not uncontrollable. The mollah, experienced and wise, know well how to direct the climax of emotion. One after another, the different parts of the ceremony appear to follow a path well trodden. To my eyes, this has been surprising: how is it possible

for a woman who suffers personal loss to conform to a well-determined ceremonial "protocol" and, at the same time, to create artistic work of value! What a contrast with mourning in my country, where the expression of pain must be self-contained and personal...

"It is my job to help women get sorrow out of their chest without collapsing. I must guide the ceremony taking into account all the unexpected elements that come up each time. What I do is very consuming... You see, I try to help so many people every day". It was mollah Leyla, whom I saw many times during both my first and my second visit to Azerbaijan. She used to work at a *kolkhoz* when she was younger. She became mollah after the loss of one of her close relatives. As the pain was too hard to endure, she used to call a mollah to pray for the soul of her beloved. Little by little, she decided to become mollah herself. Now she says that, in every *teziye*, it is her own relative that she cries and sings for.

I have liked these women. Azeri women in general have a very different way of leading their lives compared to women in my own country. It is as though they have learned to cope with a feeling of everyday suffering, but they are at the same time extremely strong. It need not be suffering for loss. Their eyes are melancholic. Their smile too. It's about a year since my last visit to Azerbaijan. Each time I look at the –tons– of pictures I have taken, this melancholy in women's eyes and smiles is what still strikes me most. Even the faces of the very young have an expression as if they carried all the collective memory of pain in the deepest part of their soul, pain that have been doubled nowadays by loss, and death, and parting, and orphanhood and other tragic consequences of war.

When I was a child, my grandmother used to sing to me an old song that never failed to make me cry: When I die / bury me with my feet toward the pond / my head under the spring / The pilgrims will pass /and they will drink the water of life... She would always end with the phrase that melancholy befits the woman ; women know better what it means to lose, because they suffer to bring life to the world –thus it's them who are more capable of understanding its sacredness. It is strange, but this is also what all the women mollah, as well as many other Azeri women, have often repeated to me.

I close my eyes and see Rena, the mother of my good friend Delya, do the dishes. I see "aunt" Pervana work in the garden. Mollah Zeyneb at the cemetery. All humming their bitter-sweet tunes. The next time I come, I will not bring a recorder...

Note: Being aware of the fact that my use of the term "mollah" may raise some questions, let me clarify that it should not be taken in its purely theological sense. Certain women use this term to describe themselves or other women who are invited to direct, or to participate in, a number of ceremonies. From an ethnological/anthropological point of view (which tends to seriously take into account "popular" terminologies), this fact may justify my use of the term, and it is in this sense that the term "mollah" should be read.

The names of the mollah mentioned have been changed. 🌿

*Estelle AMY DE LA BRETEQUE,
Teacher of Indonesian music
at the "Citü de la Musique" (Paris),
Post-graduate student in Ethnomusicology,
Universit degrees: Ethnomusicology, Russian Studies.*

Песня Фатимы

Когда за несколько минут до приземления в бакинском аэропорту я увидела как, приблизились городские огни, меня охватила тревога. Я поняла, как мало я знала о стране, в которой собиралась провести следующий месяц, ведя этномузыкально-ведческое исследование. Такой скорый выбор области и темы исследования был продиктован не более чем внутренним чувством. А может быть, не менее чем внутренним чувством? Так или иначе, я долго обдумывала это. Тень Кавказа с его тысячей и одной культурами, встреча и столкновение трех больших империй, причитания по Кербеле на тюркском языке с певучим персидским акцентом, советский медведь, проваливающийся в американский баррель бензина, – все это заставило меня смотреть на Азербайджан, как на удивительный край и на превосходное место для исследований о социальной роли музыки.

Предназначения меня не обманули. Я наслаждалась гостеприимством и защитой великого музыканта Габилы Алиева и его семьи. Остаться с Габилем Алиевым, мастером каманчи, было для меня не только большой честью, но и возможностью встретиться с некоторыми из самых прекрасных музыкантов страны. Правда, изначально я не ставила перед собой цель изучить азербайджанские мугамы. Я, действительно, восхищаюсь этой музыкой и ее исполнителями. Пить воду из источника – это всегда великое блаженство, но это не было причиной моего приезда. Меня больше интересовали сладкие, “местные” музыканты, которые никогда не назовут себя артистами, и которых никогда не охарактеризуют таким образом. Женщины, убаюкивающие своих младенцев; женщины, поющие при изготовлении красивых азербайджанских ковров; женщины, поющие каждый день; и особенно, женщины, отпевающие мертвых.

Песни, которые помогают мертвым перейти в мир иной, во Франции давно забыты. Это – большая потеря, потому что отпевание душ мертвых является искусством, подчеркивающим реальность жизни и смерти. “Как можно не отпевать мертвых? – спрашивает мулла Зейнаб. – Разве Вы не знаете, что это необходимо для души?”. Она права. Взвешенное и объяснимое на словах, предельно простое отношение к жизни, которое так бережливо поддерживают некоторые западные культуры, выглядят очень бледным по сравнению с церемониями оплакивания мертвых. Нет, в оплакивании нет ничего иррационального. Наоборот, меня не покидало ощущение того, что такие случаи полного единения являются единственным средством, посредством которого мы можем умолить такой иррациональный факт, как смерть. Вместе мы плачем, поем и отказываемся от небытия. Вместе оплакивая покойников, мы объединяемся с нашей матерью Фатимой, с нашим Хусейном, с нашим соседом, со всеми нашими близкими, которые все еще живы. И даже более того.

Возьмите, например, музыку. Может казаться богохульством, что в момент страдания исследователь-самозванец позволяет себе записывать и анализировать пение. Но это – красивая музыка, и совершить Большой Переход под нее должно быть намного легче. Какое блаженство она доставляет душе (мертвой? или живой?), чтобы его можно было передать на словах! Да, жизнь продолжается, но глубоко в сердце остается память о мертвом! “Покойный всегда будет жить внутри нас”, – говорит мне мулла Лейла. То же самое мы говорим во Франции, но я чувствую, что наши слова, так или иначе, означают меньше, поскольку я верю, что на каждом оплакивании, в котором я принимала участие, в дальнем углу комнаты присутствовала мать Фатима, оплакивающая своего мертвого сына. Семья оплакивает покойника. Память становится почти осязаемой.

Травмированная память, отпеваемая память... Столько веков они оплакивают мертвых в кругу родственников. Кажется, что боль утраты – один из неотъемлемых элементов этого единения и жизни этих людей; нерушимое с самой смерти сына Али в Кербеле единство. Оказывается выражением боли можно управлять. Опытная и мудрая мулла хорошо знает, как направить кульминационный момент эмоции. Различные части церемонии,

кажется, одна за другой следуют по протоптанной тропе. Для меня это было удивительно: как может женщина, которая переносит личную утрату, следовать установленному церемониальному “протоколу” и в то же время так артистично передавать его суть! Какой контраст составляет это с трауром в моей стране, где выражение боли должно быть сдержанным и сугубо личным...

“Моя работа состоит в том, чтобы помочь женщинам вынуть горе из души, не ранив ее. Я должна вести церемонию, принимая во внимание все неожиданные элементы, которые возникают каждый раз. Мое занятие отнимает много сил... Как видите, я пытаюсь каждый день помогать людям”. Это была мулла Лейла, которую я часто видела во время моего первого и второго посещения Азербайджана. Когда она была помоложе, она работала в колхозе. Муллой она стала после потери одного из близких родственников. Боль было слишком трудно переносить, и она часто вызывала муллу, чтобы помолиться за душу умершего. Со временем она сама решила стать муллой. Теперь она говорит, что в каждом причитании она плачет и поет по своему родственнику.

Я люблю эти женщины. В целом, образ жизни азербайджанских женщин сильно отличается от образа жизни женщин моей страны. Они словно борются с трудностями каждый день, но в то же время они чрезвычайно сильны. Нельзя страдать из-за утраты. Их глаза меланхоличны, их улыбка тоже. Прошел почти год с моего последнего посещения Азербайджана. Каждый раз, когда я смотрю на тонны картин, которые я взяла с собой, эта меланхолия в женских глазах и улыбках все еще больно бьет меня. Даже лица молодых девушек имеют такое выражение, будто они несут всю коллективную память о боли в самой глубокой части своей души, о боли, которая сегодня дополнялась всеми трагическими результатами войны: потерями, смертью, разлукой, сиротством и многим другим.

Когда я была ребенком, моя бабушка часто пела мне старую песню, которая всегда заставляет меня плакать:

*Когда я умру, похороните меня у пруда,
Чтоб голова моя была под родником.
А паломники будут проходить мимо
И пить из него воду жизни...*

Она заканчивала фразой о том, что меланхолия приличествует женщине. Женщины лучше знают, что означает утрата, потому что они страдают, чтобы принести в этот мир жизнь. Поэтому они более других способны осознать ее святость. Странно, но именно это часто повторяли мне все женщины-муллы и многие другие азербайджанские женщины.

Я закрываю глаза и вижу, как Рена, мать моей хорошей подруги Дели, моет посуду. Я вижу, как тетя Парвана работает в саду. Мулла Зейнаб – на кладбище. И все они напевают свои сладостно-горькие мелодии. В следующий раз, когда я приеду сюда, я не возьму с собой диктофон...

Примечание:

Принимая во внимание, что употребление термина “мулла” может вызвать различные вопросы, я хотела бы отметить, что его не следует понимать в чисто теологическом смысле. Так называют себя женщины, которых приглашают руководить или принять участие в различных церемониях. С этнологической или антропологической точки зрения употребление этого термина оправданно, поскольку существует тенденция к использованию терминов, принятых в народе. Поэтому термин “мулла” следует понимать именно так.

Имена мулл, упомянутые в этой статье, были изменены. 🍀

*Эстелл АМИ ДЕ ЛЯ БРЕТЕК,
преподавательница индонезийской музыки
в “Cité de la Musique” (Париж),
аспирантка по этномузыкальному
исследованию по России*